

В. Н. Панин

**О самозванке, выдававшей себя за дочь
императрицы Елизаветы Петровны**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Н. Панин**
О самозванке, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны / В. Н. Панин – М.: Книга по Требованию, 2022. –
161 с.

ISBN 978-5-518-10978-0

ISBN 978-5-518-10978-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Изъ найденныхъ, при взятіи ея подъ стражу, писемъ, изъ которыхъ ни одно, къ ней относящееся, не писано ранѣе осени 1772-го года, видно, что она уже до этого времени, сначала въ Берлинѣ, а потомъ въ Гентѣ, выдавала себя послѣдовательно то за дѣвицу Франкъ, то за дѣвицу Шель, то за Госпожу Тремуиль.

Изъ Гента она пріѣхала въ Лондонъ, кажется, съ своимъ любовникомъ, молодымъ купеческимъ сыномъ, Вантурсомъ (Van-toers), который бѣжалъ отъ жены и вѣрителей. Онъ принялъ фамилію Барона Эмбса, между тѣмъ какъ сама она называлась Али-Эмете, Принцессой Волдомирской, съ Кавказа. Чтобы укрыться отъ своихъ вѣрителей, Вантурсъ, весною 1772-го года, долженъ былъ оставить Англію; однако, въ исходѣ лѣта, они снова сошлись въ Парижѣ. Къ ихъ обществу присоединился, какъ должно полагать, еще въ Лондонѣ, какой-то Господинъ, называвшійся Барономъ Шенкомъ, вѣроятно, прежній любовникъ Самозванки, которому она въ это время служила орудіемъ для разныхъ обмановъ.

Всѣ они очень роскошно жили въ Парижѣ и вскорѣ успѣли вступить въ сношенія со многими лицами. Прочныя же связи были заключены ими съ богатымъ купцомъ Понсе, съ нѣкимъ Макке, старымъ развратникомъ Де Мариномъ, Графомъ Рошфоръ Валькуромъ (Гофмаршаломъ Князя Лимбургскаго), и наконецъ съ Гетманомъ Литовскимъ, Михайломъ Огинскимъ. Послѣдній принадлежалъ къ предводителямъ Польской Конфедераціи, которые, по раздѣлѣ ихъ отечества въ 1772-мъ году, домогались за границу, въ особенности же при Французскомъ Дворѣ, восстановления древнихъ предѣловъ Польши. Онъ нѣкоторое время, кажется, былъ въ весьма короткихъ сношеніяхъ съ Самозванкой, по крайней мѣрѣ, многочисленныя его къ ней записки исполнены любезности и живаго участія, и даже не лишены нѣкотораго довѣрія къ ея рассказамъ о баснословномъ богатствѣ Персидскаго ея дяди. Впрочемъ, можно утвердительно сказать, что Огинскій ни въ это время, ни послѣ, не побуждалъ ее наименоваться дочерью Императрицы Елисаветы Петровны, но отъ него она могла, однако жъ, получить первыя свѣдѣнія о Польскихъ дѣлахъ, о Русскомъ Дворѣ и вообще о политическомъ положеніи Сѣверныхъ Государствъ.

Въ началѣ 1773-го года дѣла Али-Эмете находились въ дурномъ положеніи. Вантурсъ, по которому поручителемъ состоялъ Макке, былъ задержанъ за долги. Не смотря на значительныя суммы, получаемыя Принцессою въ займы отъ Понсе, нужда увеличивалась съ каждымъ днемъ. Огинскій, къ которому обращалась Самозванка, не могъ, или не хотѣлъ, болѣе доставать денегъ. Но дѣла устроились, благодаря Шенку. Онъ заставилъ Де Марина усмирить общаніями, какъ Макке, такъ и Понсе, даже выдать послѣднему заемныя росписки. Такимъ образомъ общество ихъ, въ томъ числѣ и Вантурсъ, получило возможность, сперва переѣхать въ окрестности Парижа, а потомъ, въ концѣ Апрѣля, уѣхать въ Германію, ⁴ при чемъ Де Маринъ, ради собственной безопасности, присоединился къ нимъ. Во Франкфуртѣ на Майнѣ ихъ ожидалъ Графъ Рошфоръ, которому Шенкъ въ Парижѣ столько наговорилъ о мнимыхъ богатствахъ Принцессы, что онъ захотѣлъ на ней жениться. Между тѣмъ Понсе и Макке не замедлили принять свои мѣры. Едва успѣла Али-Эмете расположиться въ Франкфуртской гостинницѣ, какъ Вантурса, по требованію Макке, посадили въ темницу, при чемъ употреблено было даже насиліе. Когда эта постыдная исторія сдѣлалась извѣстною, содержатель гостинницы выгналъ все общество изъ своего дома. Принцесса тщетно требовала удовлетворенія отъ Магистрата, представляя черновыя письма, коими она просила защиты у Русскихъ Посланниковъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Уже Де Марина хотѣли было задержать по требованію Понсе, какъ вдругъ явился спасительнымъ геніемъ Графъ Лимбургскій.

Филиппъ-Фердинандъ. Владѣтельный Графъ Лимбургскій и Стирумскій, Совладѣлецъ Графства Оберштейнъ, ревностный Католикъ, какъ человекъ холостой, весьма легкаго поведенія, имѣлъ въ то время 42 года отъ роду. Онъ былъ образованъ, но его умственныя способности были ограничены, а характеръ слабъ. Незадолго предъ тѣмъ, вступивъ на престолъ, по смерти старшаго

---

⁴ Для оправданія предъ Огинскимъ приводились крайне важныя дѣла въ Германіи. Онъ еще принужденъ былъ выслать Самозванкѣ бланковый патентъ на чинъ Капитана въ Литовскихъ войскахъ, въ который она потомъ писала имя Барона Эмса. Подлинный патентъ, подписанный Огинскимъ, находится при дѣлѣ (I № 165 и № 143).

брата, онъ, какъ потомокъ Графовъ Шауенбургскыхъ, объявилъ притязанія ⁵ на Герцогства Шлезвигъ и Гольштейнъ, о правѣ владѣть которыми въ то время спорили Кабинеты С -Петербургскій и Копенгагенскій. Хотя притязанія его повсюду встрѣчали отказъ, тѣмъ не менѣе онъ подписывался на документахъ Герцогомъ этѣхъ земель, не смотря на то, что обыкновенно его называли Княземъ Лимбургскимъ. Онъ жилъ такъ, какъ жили въ то время всѣ мелкіе Имперскіе Князья: имѣлъ Повѣренныхъ по дѣламъ въ Парижѣ и Вѣнѣ (Де Бура и Барона Фонъ Горнштейна), содержалъ войска, раздавалъ, имъ самимъ учрежденные, ордена и велъ тяжбу съ Прусскимъ Королемъ о нарушеніи своихъ державныхъ правъ. ⁶

Вскорѣ по прибытіи Князя во Франкфуртъ, Графъ Рошфоръ просилъ у него позволенія переселиться, съ будущею своею супругою, ради безопасности и до полученія ею денегъ изъ Персіи, въ одинъ изъ Княжескихъ замковъ. Князь представился Принцессѣ, былъ обвороженъ ею и, не смотря на предостереженіе банкира Алленца, далъ ей въ займы значительную сумму денегъ, для уплаты ея Франкфуртскихъ долговъ, велѣлъ Де Буру успокоить Понсе и наградилъ Макке орденомъ. Съ симъ послѣднимъ заключили договоръ объ отсрочкѣ. Вантурсъ, въ которомъ не имѣли болѣе надобности, остался до времени въ темницѣ. Де Маринъ, слишкомъ осторожный, чтобы довольствоваться одними обѣщаніями, вступилъ Интендантомъ въ придворный штатъ Принцессы, отправившейся, въ началѣ Іюня, 1773-го года, вмѣстѣ съ Княземъ, въ его владѣнія. Здѣсь она хотѣла дожидаться полученія денегъ изъ Персіи, чтобы потомъ пуститься въ обратный путь на Востокъ. Шенкъ остался во Франкфуртъ, въ качествѣ Повѣреннаго въ дѣлахъ, заставивъ Принцессу вручить ему свои бумаги, за исключеніемъ переписки Огинскаго и нѣкоторыхъ другихъ писемъ. Этѣмъ онъ приобрѣлъ полную власть надъ Самозванкой, имѣвшей вообще

⁵ При дѣлѣ находится рукописная Французская по сему предмету записка (II № 32) и печатная Нѣмецкая (I № 258).

⁶ Въ числѣ бумагъ находятся, между прочимъ, и папечатанные Уставы орденовъ, различные документы, за подписаніемъ и приложеніемъ печати Князя, печатные меморіалы, въ доказательство его притязаній на Княжескій титулъ, рукописныя о претензіяхъ на Герцогства Шлезвигъ и Гольштейнъ и печатныя сочиненія противъ Пруссіи (I № 258).

странную привычку сохранять всѣ получаемыя ею письма, хотя бы они ее и выдавали. Таковы были и бумаги, врученныя ею Шенку.

Князь и его спутница, уже во время дороги вступившіе въ самыя короткія отношенія, поселились въ замкѣ Нейсесъ, въ Франконіи. Спустя нѣсколько дней по ихъ прибытіи, Гофмаршалъ былъ посаженъ въ темницу, какъ Государственный преступникъ, гдѣ его держали нѣсколько мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ Принцесса, принявши имя Елеоноры, начала жизнь вполне блестящую и роскошную.

Изрѣдка являлся въ Нейсесъ, по приглашенію Князя, пріятель его, Баронъ Фонъ Горнштейнъ, Конференцъ-Министръ у извѣстнаго друга Езуитовъ, Трирскаго Курфирста, Климента-Вячеслава. Въ скоромъ времени обворожительная незнакомка успѣла плѣнить его такъ, что онъ началъ присылать ей ноты и маленькіе подарки и объявилъ себя Менторомъ новыхъ Калипсо и Телемака. Она сумѣла увѣрить его въ дѣйствительности существованія своихъ Персидскихъ сокровищъ и даже поручила ему покупку для нея значительной поземельной собственности. Еще гораздо болѣе привлекло его къ пей положительное ея обѣщаніе, дать въ займы Князю нужную сумму для выкупа правъ Курфирста на Графство Оберштейнъ. Дѣло это, очень выгодное для Министра и Князя, было немедленно начато, и Принцесса слѣдила за нимъ съ большимъ вниманіемъ, надѣясь, вѣроятно, по внушеніямъ Шенка, выпросить это Графство себѣ въ подарокъ отъ слабаго своего любовника. Около того же времени Де Маринъ уѣхалъ въ Парижъ, чтобы помогать Де Буру при продажѣ Франціи Лотарингскихъ леновъ Князя, который входилъ все болѣе и болѣе въ долги, чтобы удовлетворить мотовству обожаемой имъ Принцессы. Между тѣмъ она, опасаясь, чтобы Князь, во время частыхъ своихъ поѣздокъ въ Кобленцъ, столицу Курфирста, по выкупу Графства Оберштейнъ, не былъ отъ нея отвлеченъ, старалась всѣми мѣрами принудить его къ браку, и съ этою цѣлью вдругъ объявила, будто она получила письмо отъ опекуна, который требуетъ ея возвращенія въ Персію, гдѣ она, конечно, не замедлитъ выйти замужъ. Горнштейнъ, пользовавшійся вполне, какъ казалось, ея довѣренностію, долженъ былъ достать ей на дорогу де-

негъ, которыя она обѣщала возвратить немедленно по приѣздѣ въ Персію, равно какъ и деньги на уплату сдѣланныхъ ею долговъ на выкупъ заложенаго Графства Стирумскаго и на приобрѣтеніе правъ полнаго владѣнія Оберштейномъ. Князь вдался въ обманъ, предложилъ ей руку и, когда она, не смотря на это, все еще настаивала на своемъ отѣздѣ, готовъ былъ даже отречься отъ престола, въ пользу младшаго брата, и ѣхать съ нею въ Персію. Горнштейнъ, у котораго Князь тогда былъ въ гостяхъ, старался его успокоить. Онъ обратилъ его вниманіе на необходимость имѣть положительныя данныя касательно происхожденія Принцессы, и при этомъ сообщилъ ему нѣкоторыя невыгодныя слухи, распространенныя на ея счетъ. Едва вѣсть объ этихъ разговорахъ достигла Стирума, куда переселилась Самозванка, для того, чтобы быть ближе къ Кобленцу, какъ она объявила, что опекунъ согласился на болѣе продолжительное пребываніе ея въ Европѣ, и даже разрѣшилъ бракъ ея съ Княземъ. Не смотря на это, Министръ продолжалъ требовать отъ Принцессы свѣдѣтельства объ ея происхожденіи и намекнулъ ей на необходимость принять Римско-Католическую Вѣру. Въ такихъ обстоятельствахъ она, въ письмѣ къ Горнштейну,⁷ открыла свои семейныя отношенія, о которыхъ, по ея словамъ, Россія не замедлитъ въ газетахъ дать подробныя поясненія, и выдала себя за владѣтельницу Азова (Duchesse d'Azow), состоящаго подъ владычествомъ Русской Императрицы, и за единственную наследницу весьма древняго рода Волдомировъ, имуществами котораго, отобранными въ 1749 году и освобожденными отъ задержанія въ 1769 году, она во всякое время можетъ вступить во владѣніе. Ее увезли, по смерти отца, четырехлѣтнимъ ребенкомъ, къ дядѣ въ Персію, откуда она, только полтора года тому назадъ, приѣхала въ Европу. Обо всемъ этомъ она просила Горнштейна довести до свѣдѣнія Князя.

⁷ Это письмо отъ 7 Августа, 1773 года (III № 44).

⁸ Первое по полученіи этихъ свѣдѣній письмо Князя, отъ 24-го Августа, 1773 года (I № 243), имѣло слѣдующій адресъ: «A Son Altesse Serenissime Madame la Princesse Elisabeth de Volodimir»; таковы и всѣ послѣдующіе адреса. Не смотря на новый титулъ Самозванки, Князь, въ задушевныхъ разговорахъ, все еще называлъ ее просто Аш, а потомъ въ письмахъ, писанныхъ пиратин, Бетти.

Между тѣмъ вѣсти изъ Парижа были для Принцессы крайне несприятны. Ионсе, встревоженный сообщеніями Вантурса, все еще продолжавшаго сидѣть въ тюрьмѣ, началъ грозить своей должницѣ, что онъ приметъ противъ нея строжайшія мѣры, которыя не были приведены имъ въ исполненіе только по тому, что Де Маринъ и Де Буръ сообщили ему о скоромъ ея бракосочетаніи съ Нѣмецкимъ Имперскимъ Княземъ, а, можетъ быть, и по тому, что ему былъ обѣщанъ одинъ изъ Княжескихъ орденовъ, которыми, по порученію Принцессы, Де Маринъ, какъ кажется, торговалъ въ Парижѣ.⁹ Около этого же времени Самозванка прислала къ Огинскому проектъ лотереи, съ настоятельною просьбою, распространить ее между Парижскими банкирами, и, въ доказательство того, что мысли ея постоянно имъ заняты, записку о Польшѣ, для Версальскаго Кабинета.¹⁰

Князь зналъ объ ея перепискѣ съ Огинскимъ, но содержаніе оной было ему не извѣстно, а по тому Принцесса, старавшаяся возбудить въ немъ ревность къ Польскому вельможѣ, чтобы тѣмъ заставить его скорѣе на себѣ жениться, беззащитиво увѣряла его, что переписка касается политическихъ дѣлъ, для сообщанія по которымъ Огинскій намѣренъ въ скоромъ времени посѣтить его. Между тѣмъ дѣло о приобрѣтеніи правъ на Оберштейнъ подвинулось до того впередъ, что (въ половинѣ Августа) Князь уже могъ туда ѣхать, чтобы показаться своимъ подданнымъ. По этому случаю Принцесса придумала планъ, состоявшій въ томъ, чтобы Князь помѣстился въ Оберштейнѣ, вмѣстѣ съ Шенкомъ и Де Мариномъ, а самъ, для сохраненія приличія, поселился въ Стирумѣ.

⁹ Въ это время, вѣроятно, выданы были дипломы на орденъ, конфирмованные осенью 1858 года въ Парижѣ, по случаю извѣстнаго дѣла о торгѣ орденами, а именно: La croix de l'ordre asiatique, fondé par la Sultane Aïna; l'ordre de mérite du Lion de Holstein-Limbourg; les ordres réunis des quatre Empereurs et de l'ancienne noblesse. (Independance Belge 1858 Octobre 9). Уставы ордена de l'ancienne noblesse находятся при Дѣлѣ.

¹⁰ Въ письмѣ отъ 28 Августа (I № 156) онъ довольно холодно и рѣшительно отказывается отъ всякаго участія въ дѣлѣ по лотерейному проекту и сообщаетъ, что записку переталъ кому слѣдовало. Уже въ предшествовавшемъ своемъ письмѣ онъ довольно иронически отвѣчаетъ на предложенныя ею денежные сеуды.

Это предложеніе было отвергнуто Княземъ (24 Августа), который при этомъ, касательно Шенка, замѣтилъ, что ей слѣдовало бы считать за особое счастье освободиться отъ человѣка, аличности котораго не удовлетворили бы всѣ сокровища Азіи.¹¹ Отсутствіе доказательствъ о происхожденіи Принцессы и свѣдѣтельства объ ея крещеніи, по тому что она, выдавая себя за владѣтельницу Азова, какъ будто принадлежала къ Греко-Восточной Церкви, служило препятствіемъ къ совершенію брака. Время шло, свѣдѣтельства не доставлялись, а заявленіе Принцессы, что она не можетъ и не намѣрена сочетаться бракомъ, пока отъ Русскаго Двора не будетъ сдѣлано управительственнаго поясненія правъ ея на наслѣдство Князей Волдомирскихъ, мало по малу потеряло всякое значеніе. Тогда Самозванка почувствовала, что надобно покончить дѣло.

Въ письмахъ, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ, она, передавая Князю, еще жившему въ Оберштейнгѣ, какъ дошедшіе до нея слухи о томъ, будто его хотятъ женить на другой, такъ и о блестящемъ предложеніи, ей сдѣланномъ, замѣчаетъ, что теперь ни что не мѣшаетъ имъ разойтись, тѣмъ болѣе, что признаніе правъ ея со стороны Россіи не можетъ послѣдовать ранѣ заключенія мира съ Турками. Самозванка намѣревалась, какъ видно изъ одного ея письма, окончательно уволить Шенка и Де Марина, прервавъ всѣ прежнія сношенія съ разными лицами, и предоставить свое имущество въ распоряженіе Князя; приложенный вексель въ довольно значительную сумму на имя (вымышленнаго) банкира служилъ какъ бы залогомъ, что это обѣщаніе будетъ непременно приведено ею въ исполненіе. Сверхъ того, она прислала Князю, для его свѣдѣнія, черновое¹² письмо къ своему опекуну, Русскому Вице-Канцлеру, Князю Голицыну. Въ этомъ письмѣ она сообщала ему, какъ о любви своей къ Князю Лимбургскому, такъ и о желаніи вступить съ нимъ въ бракъ; изъявляла сожалѣніе, что тайна, покрывавшая ея происхожденіе, дала поводъ ко многимъ про

¹¹ Слѣдовательно, Князь около этого времени уже догадывался объ обстоятельствахъ прежней жизни своей возлюбленной.

¹² Это черновое письмо и записка сохранились; въ послѣдней Самозванка старается доказать важность, въ особенности для Россіи, сосредоточенія Азіятской торговли на Кавказѣ (III № 5 и II № 43).

нее разсказамъ, и что сдѣланные ею незначительные долги преувеличены, съ цѣлю, чтобы имѣть возможность скорѣе воспользоваться ея сокровищами. Въ заключеніе письма она увѣряла въ неизмѣнности своихъ чувствъ благодарности и привязанности къ Императрицѣ и въ постоянномъ своемъ рвеніи о благѣ Россіи, что исполнѣ можетъ доказать приложенная при письмѣ записка, для объясненія которой она готова сама пріѣхать въ Санктпетербургъ, если бы въ этомъ встрѣтилась надобность.

Въ отвѣтахъ Князя Лимбургскаго на письма Принцессы пламенные увѣренія въ любви къ ней смѣняются открытымъ сомнѣніемъ во всемъ, ею разсказанномъ; онъ въ нихъ то отказывается отъ ея руки, то грозитъ удалиться въ монастырь, коль скоро она его оставитъ; умоляетъ открыть ему истину, за которую онъ готовъ простить ей все ея прошедшее; проситъ ускорить доставленіемъ свѣдѣтельства о рожденіи, такъ какъ теперешняя ихъ связь лежитъ тяжелымъ камнемъ на его совѣсть и такъ какъ только брачный союзъ, совершенный по обряду Римско-Католической Церкви, можетъ сдѣлать его счастливымъ: наконецъ, совѣтуетъ воздержаться отъ излишнихъ расходовъ, которые уже увлекли его на край гибели и при которыхъ даже ея Персидскихъ сокровищъ было бы недостаточно для обезпеченія будущности ожидаемыхъ маленькихъ Ами. Догадки Князя о прошлой жизни его возлюбленной получили новую нищу во Франкфуртѣ (въ началѣ Сентября мѣсяца), гдѣ онъ хлопоталъ о томъ, чтобы не выдавали Вантурса его Гентскимъ займодавцамъ. Банкиръ Алленцъ прямо намекнулъ ему о Шенкѣ и показалъ письмо отъ Де Марина, изъ котораго можно было видѣть намѣреніе Принцессы уѣхать въ Парижъ, что вновь пробудило въ Князѣ ревность къ Огинскому. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ отъ Принцессы увѣдомленіе, что въ Стирумъ прибылъ Императорскій Фискаль для наложенія на Графство запрещенія за долги. Дѣло это, впрочемъ, успѣли уладить, при помощи Горштейна, который счелъ долгомъ при этомъ сообщить легковѣрному Князю, что повѣсть о Русскомъ опекунѣ — чистая ложь.

Не смотря на это, Князь черезъ нѣсколько времени былъ вынужденъ, съ одной стороны, плохимъ состояніемъ своихъ финансовъ, а съ другой возобновившимися слухами о прежнемъ без-

нравственномъ поведеніи своей подруги, объявить ей, что долженъ съ нею разстаться на вѣки, Стирумъ предоставить заимодавцамъ и озаботиться сохраненіемъ своему семейству остатковъ имѣнія. На это Принцесса, не отрицая справедливости слуховъ касательно своего прежняго поведенія, сообщила Князю о своей, можетъ быть выдуманной, беременности, въ слѣдствіе чего онъ поклялся ей, что никогда ее не покинетъ, и съ тѣхъ поръ говорилъ всѣмъ, что обѣщалъ на ней жениться.¹³ Въ Кобленцѣ, куда онъ прибылъ по своимъ дѣламъ, ему рассказали про одну госпожу, которая своими плутнями, совершенными ею въ послѣдніе годы въ Берлинѣ, Гентѣ и Лондонѣ, сильно себя опозорила. Судя по описанію, госпожа эта имѣла большое сходство съ его подругою. Лишь только Принцесса узнала объ этомъ, какъ немедленно объявила, что важныя дѣла призываютъ ее въ Санктпетербургъ, и письменно просила Князя, а также Горюштейна, достать ей на дорогу денегъ: вмѣстѣ съ тѣмъ она поручала послѣднему выкупить въ Парижѣ оставленные ею тамъ драгоценныя вещи. Однако жъ Де Маринъ рѣшительно воспротивился этой поѣздкѣ, намекнувъ при томъ весьма ясно на прошлую жизнь Принцессы. Она жаловалась на это Князю, который, не смотря на сомнѣніе въ существованіи Воломирскаго Княжества и Персидскихъ сокровищъ, и на двусмысленное поведеніе Принцессы, до такой степени былъ ею обвороженъ и до того желалъ удержать ее отъ поѣздки, что самъ указалъ на средства успокоить Де Марина и получить отъ Горюштейна вспоможеніе, возбудивъ самолюбіе и алчность послѣдняго разными обѣщаніями. Въ сихъ видахъ онъ предложилъ ей выдать какого-то Русскаго Князя, находившагося тогда въ Спа, за своего опекуна, и совѣтовалъ объяснить Министру, какъ причину своей болѣзни, дабы онъ не противился болѣе ихъ совместному житію, такъ и намѣреніе въ непродолжительномъ времени присоединиться къ Римско-Католической Церкви, что доставитъ большое удовольствіе ему и Курфирсту, которымъ припишутъ честь обращенія ея къ исповѣдуемой ими Вѣрѣ.¹⁴ Хотя поѣздка въ Санктпетербургъ и не состоялась, однако жъ Горюштейнъ ссу-

¹³ О всемъ этомъ Князь въ послѣдствіи самъ напоминаетъ Самозванкѣ (I № 186).

¹⁴ Письма о семъ Князя (I №№ 198 и 221) доказываютъ, что онъ былъ не безполезнымъ участникомъ въ обманахъ Самозванки.

дѣлъ деньгами Принцессу и дозволилъ Князю перевезти ее въ Оберштейнъ (въ Октябрѣ мѣсяцѣ), и тамъ поселиться съ нею и съ Де Мариномъ, принявшимъ званіе управляющаго ея финансами.

Кажется, что Князь, вмѣстѣ съ клятвою, никогда не покидать возлюбленную, далъ, по случаю ея беременности,¹⁵ обѣщаніе обезпечить за нею пожизненное владѣніе Оберштейнскимъ Графствомъ въ случаѣ, если бы бракъ не состоялся. Правда, при дѣлѣ нѣтъ письменнаго на это доказательства, но на существованіе подобнаго договора встрѣчаются многочисленныя указанія. Во всякомъ случаѣ, уже въ Октябрѣ мѣсяцѣ слухъ объ этомъ распространился между прислугою.¹⁶ До конца Декабря Князь часто посѣщалъ Оберштейнъ. Въ эти прїѣзды Самозванка старалась познакомить его съ тѣмъ, какъ должно пользоваться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни цѣлою системою обмановъ, и при этомъ неоднократно высказывала, что она не только намѣрена, но и въ состояніи, держаться подобной системы до конца. Вообще она пріобрѣла надъ этѣмъ слабымъ человѣкомъ такую власть, что въ позднѣйшихъ своихъ письмахъ онъ съ ужасомъ вспоминаетъ объ этой системѣ, которой невольно слѣдовалъ. Въ слѣдствіе подчиненія его этѣмъ кознямъ, становится понятнымъ, по чему онъ, 28 Декабря, 1773 года, формальнымъ образомъ уполномочилъ Принцессу¹⁷ вести переговоры съ Русскимъ Вице-Канцлеромъ, Княземъ Голицынымъ, касательно требованій, предъявляемыхъ имъ къ Ольденбургскому Владѣтельному Дому. Но важнѣе всего, по своимъ послѣдствіямъ, былъ слухъ, разнесшійся во время пребыванія его въ Оберштейнѣ, будто Принцесса—дочь покойной Россійской Императрицы Елисаветы, отправленная въ Сибирь шести или семилѣтнею дѣвочкою, оттуда сострадательными людьми вывезенная въ Персію, гдѣ, при дворѣ Шаха, получила

¹⁵ Со времени прибытія Принцессы въ Оберштейнъ о беременности ея уже болѣе не упоминается.

¹⁶ Въ Оберштейнѣ къ Принцессѣ напаялась горничною Франциска Фогъ Мешедѣ, дочь Прусскаго Капитана, до конца оставшаяся при Самозванкѣ.

¹⁷ Въ уполномочіи для имени и фамиліи оставлены чистыя мѣста послѣ титула Принцессы. Видно, что она еще не знала, какое по обстоятельствамъ себѣ присвоить имя (I № 240).